

Новая волна — с. 30

Это самый нежный и вдумчивый из всех борцов за политкорректность.

Его романы «Снег», «Черная книга», «Белая крепость», «Меня зовут Красный» известны в России.

Нежность прозы турецкого писателя, ее зримость, живописное цветение деталей (верный знак любви к жизни) особо заметны на фоне текстов его прямых предшественников: беспощадной, как бритва ее Пианистки, Эльфриды Елинек (нобелиат-2004) и саркастичного Гарольда Пинтера (нобелиат-2005).

кофейни, маленькие площади, гангстеры, акробаты, букинисты...

По формулировке Нобелевского комитета премию Памук получил «За обнаружение новых символов столкновения и переплетения культур в ходе поисков меланхолической души его родного города».

Когда в Стамбул приезжал сын Набокова, именно он, Памук, показывал Набокову-младшему следы «белого Константинополя»

«Памук и политкорректность» — сюжет известный. Напомним: в интервью швейцарской газете Памук упомянул о геноциде армян и курдов в 1915 году. Турция возбудила против писателя судебный процесс. В защиту Памука выступили Гюнтер Грасс, Габриэль Гарсиа Маркес, Жозе Сарамаго и Совет Европы. В 2005 году дело было закрыто.

И вот, с одной стороны, в июне 2006-го в Москве Памук на вопросы о процессе ответил: «Для меня этот эпизод 2005 года был, пожалуй, внутренним делом Турции».

А с другой стороны — в новой книге «Стамбул. Город воспоминаний» (русский перевод — М.: Издательство Ольги Морозовой, 2006) Памук, не повышая голоса, рассказал своему всесветному читателю еще одну историю. Менее известную миру, чем события 1915-го.

Сюжет таков: в 1955-м в Салониках бросили бомбу в родной дом Кемала Ататюрка. Дом преобразователя Османской империи сильно пострадал. Поднялась волна народного гнева. Привела к очень жестокому погрому этнических греков, армян, курдов в Стамбуле.

А потом из архивов выплыло: бомбу бросил агент спецслужб Турции. Именно ради хорошего, бодрого погрома «меньшинств». И народ не подвел...

История эта, так похожая на провокацию при начале Второй мировой, говорит не столько о писателе Памуке, сколько о зыбкости времен, о гримасах абсурда XX века.

А для прозы Орхана Памука три страницы ужасной правды — лишь часть великой, цветной, сияющей

За поиск души города

Нобелевскую премию
по литературе в 2006-м
получил Орхан Памук

правды «города и мира». Такая же часть, как аорта Босфора и пароход с мотором 1913 года, снятым с яхты паши; сливы, цветущие на султанских гробницах; лавка старой гречанки на улице его детства (коммерческая специальность — штопка нейлоновых чулок); бабушкины кресла с перламутровой инкрустацией.

Список «граней города и мира» бесконечен: продавцы фруктов в Дарданеллах, плавающие на лодках вдоль кварталов; немецкий гравер Меллинг — рыцарь и придворный пейзажист Стамбула 1819 года; трогательное почтение турецкой буржуазии 1960-х (к ней принадлежала и семья писателя) к американскому способу пить томатный сок, закаты,

«Печаль Стамбула» его сквозная тема. Он сопоставлял столицу нувшей империи с городами, о которых Клод Л. Стросс написал книгу «Чальные тропики». Но же Памук, несостоявший художник, сохранил в себе прозе взгляд живописца: присущее художникам чувство — любовь к миру. Стыть просто смотреть на него. В Москве летом 2006 худой, высокий, светлослый и застенчивый Памук в роговых очках казался хожим на шведского профессора. Его спросили: чужденник он или западник, конце-то концов? Профсист или традиционалист. Пусть скажет! А то погам никак не поймешь однозначно.

Памук ответил: «Если я буду отрицать одну сторону своего существа, то вторая поглотит меня. Модернизация — составляющая нашего опыта. Такая же реальность, как традиция. Перемены есть некая константа всех эпох. Любимое средство самовыражения жизни».

Говорил о любви к Чехову и Набокову (ну это-то по книгам поймешь однозначно!). Даже похвастался: когда в Стамбул приехал Дмитрий Владимирович, сын писателя, именно он, Памук, показывал Набокову-младшему следы «белого Константинополя».

Впрочем, от прессы Памук в Москве избавился быстро и легко. И поехал в Пушкинский музей на Волхонку: смотреть «наших» Гогена, Пикассо и Матисса.

А еще он мечтал увидеть в России блошиный рынок. Даже слышал что-то дома, в Стамбуле, про наше торжище на платформе Марк.

Но издатели, принимавшие Памука в Москве, решили, что этот развал горячих, заново открытых до дыр обломков СССР — уж слишком грустен.

Даже для исследователя печали великих городов и бывших империй.

● Елена Дьякова, обозреватель «Новой»

Памук Орхан